

С кем мы сравниваем уродливых людей? Эталоны уродства в русском языке

MARZHAN AKOSHEVA

*Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина,
010011, Нур-Султан, просп. Женис, 62, Казахстан, m.akosheva@kazatu.kz*

KANAT RAKHIMZHANOV

*Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, 010011,
Нур-Султан, просп. Женис, 62, Казахстан, k.rakhimzhanov@kazatu.kz*

ZIFA TEMIRGAZINA

*Павлодарский педагогический университет, 143005, Павлодар,
ул. Мира, 60, Казахстан, temirgazina_zifa@pspu.kz*

————— 1.01 Izvirni znanstveni članek – 1.01 Original Scientific Article —————

Članek na podlagi gradiva nacionalnega korpusa ruskega jezika raziskuje kriterije človeške grdote v ruščini, izražene v primerah in metaforah. Kriteriji so vključeni v figurativno komponento pojma grdota. Njegovo bistvo je opredeljeno kot odstopanje od norme in stereotipnega videza osebe. Tematsko so kriteriji grdote združeni v skupine zoonimov, slovanskih in antičnih mitonimov ter imen literarnih likov. Kognitivna osnova za izbiro koncepta grdote je lahko arhetip 'naš – tujec', na primer v skupini zoonimov (*opica, kamela*) ali v poimenovanih tujcev, nekrščanskih bogov (*Buda, burjatski bog*). Najpogostejši koncept grdote je precedenčno ime literarnega junaka – *Quasimodo*. Menimo, da je to posledica dejstva, da so v njegovi podobi utelešene prototipične značilnosti grdote: grba, šepanje, bradavica na obrazu. Kriteriji grdote so spolno zaznamovani, zaznamujejo bodisi moško bodisi žensko grdoto; nekateri kriteriji pa niso opredeljeni glede na spol in označujejo tako moško kot žensko grdoto, odvisno od konteksta.

The article explores the standards of human ugliness in the Russian language, expressed in comparisons and metaphors, based on the material of the National Corpus of the Russian Language. Standards are included in the figurative component of the concept "ugliness". The essence of ugliness is defined as a deviation from the norm and stereotype of a person's appearance. Thematically, the standards of ugliness are combined into groups of zoonyms, Slavic and antique mythonyms and names of literary heroes. The cognitive basis for choosing the standard of ugliness can be the archetype "ours" – "alien", for example, in the group of zoonyms (*monkey, marmoset, camel*) or in the names of "alien", non-Christian gods (*Buddha, Buryat god*). The most frequent standard of ugliness is the precedent name of the literary hero – *Quasimodo*. In our opinion, this is due to the fact that prototypical features of ugliness are embodied in his image: A hump, a limp, a wart on the face. Standards of ugliness are gender-marked –

they characterise either male or female ugliness; some of the standards are not gender-marked and characterise both male and female ugliness, depending on the context.

Ključne besede: koncept, grdota, kriteriji, primerjalna besedna figura, zoonimi, mitonimi

Key words: concept, ugliness, standards, comparative figure of speech, zoonyms, mythonyms

---

0 Введение

Итальянский культуролог Умберто Эко в своем труде «Storia della bruttezza», посвященном истории развития взглядов на уродство в искусстве, литературе, философии и богословии, говорил о немногочисленности исследований по этой проблеме, начиная с античных времен (Есо 2007). Понятие уродства остается малоисследованным и в современной лингвистике. В то же время «оппоненту» уродства – красоте уделяется гораздо больше внимания со стороны лингвистов. Понятие красоты исследуется в разных языках с различных точек зрения. Так, концепт «красота», в том числе эталоны красоты, анализируются в русском языке и других языках в диссертациях Ю. В. Мещеряковой (2004), Н. В. Летунской (2004), Ю. В. Клинцовой (2007), И. О. Окуновой (2009) и т.д., в статьях В. З. Демьянкова (2004), М. Л. Ковшовой (2004), О. Н. Тарасенко (2011) и др.

В нескольких работах концепт «красота» рассматривается в соотношении с понятием «безобразие» (Шарданова 2006; Попова 2010 и др.). В 2004 году исследовательская группа «Логический анализ языка» издала сборник статей под редакцией Н. Д. Арутюновой, в котором анализировались концептуальные поля прекрасного и безобразного (Арутюнова 2004).

Специальных работ, касающихся проблемы отражения уродства / безобразия в языке, крайне мало. Можно назвать статью Н. В. Поповой, которая рассматривает безобразие как лексико-семантическое поле, состоящее из микрополей (Попова 2009), а также главу «Концепт ‘уродство’ в испаноязычной лингвокультуре: особенности объективации» в книге «Бытовая культура и этикет народов мира: межкультурная коммуникация» (Таратухина, Безус 2019: 50–52).

В нашей статье мы анализируем эталоны уродства в русской языковой картине мира, т.е. устанавливаем круг явлений, предметов, животных, мифологических существ, литературных героев, с которыми сравнивают уродливых людей в русском языке. В когнитивном отношении концепт «уродство» представляет собой значимый фрагмент концептуальной картины мира, находящий свое отражение в языке. Образная трактовка

концепта «уродство» носителями той или иной культуры проявляется в выборе эталонов, измеряющих уродство человека, отражающих культурную специфику их мироизмерения и мировосприятия (Temirgazina, Zhakupova 2021). Эталоны находят свою вербализацию в сравнениях и метафорах.

В концептологии сложился ряд подходов к трактовке структуры концепта. В основе их лежит аксиома о сложности и многомерности архитектоники концепта как единицы концептуальной системы. Слои, уровни, составные части концепта качественно отличаются друг от друга и, соответственно, репрезентируются семантическими структурами различного уровня сложности и обобщенности, т.е. имеют свои способы объективации в лексической системе языка. Точки зрения исследователей расходятся лишь относительно архитектоники концепта: количества и характера его структурных элементов.

Так, по мнению Ю. С. Степанова, концепт имеет три уровня: «основной признак», в котором «концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения»; дополнительный, или «пассивный» признак, являющийся уже неактуальным, «историческим», актуализирующимся «при общении людей лишь некоторых социальных групп»; «буквальный смысл», или «внутренняя форма, обычно вовсе не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме», или этимологический, наиболее удаленный в историю, признак концепта (Степанов 1997: 40–43). С точки зрения И. А. Стернина и З. Д. Поповой концепт имеет полевую структуру, аналогичную полевой организации значения слова. Поскольку значение слова имеет полевую структуру (архисема в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии), авторы считают необходимым допустить, что и концепт имеет многослойную организацию, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации (Попова, Стернин 2001; 2002). Таким образом, концепт может быть описан в терминах семантического поля: ядро, центр поля, ближняя и дальняя периферии и т.д.

Мы в настоящей работе берем за основу структуру лингвокультурного концепта, принятую в концепции Г. Г. Слышкина, в соответствии с которой концепт является трехкомпонентным образованием, включающим понятийный, ценностный и образный элементы (Слышкин 2004: 30).

Образная составляющая включает две группы элементов: 1) внутренние формы языковых единиц (медведь – ‘едающий мед’, застолье – ‘происходящее за столом’); 2) образы, закрепленные в авторских или фольклорных прецедентных текстах (кошка, гуляющая сама по себе → кошка как олицетворение независимости) (Слышкин 2004: 31).

В основу нашей статьи положен анализ образного компонента лингвокультурного концепта «уродство», который включает в себя образные

сравнения и метафоры. Образный компонент характеризуется ярко выраженной культурной специфичностью, передающей особенности национального мироизмерения концепта. В основе мироизмерения носителей языка и культуры находятся эталоны, под которыми Л. Г. Бойко понимает «точный образец установленной единицы измерения; мерило, стандарт, образец для сравнения с чем-либо. [...] в языковой картине мира русского человека сложилась определенная система образов-эталонов, отражающих его ценностные представления об окружающей действительности» (Бойко 2009: 7).

1 Методы и материал

Эмпирический материал представляет собой сравнительные обороты и метафоры русского языка, образно характеризующие человека по признаку «уродство». Сравнительные конструкции включают в себя прилагательное *уродливый* либо его синонимы *некрасивый*, *страшный*, *безобразный* и т.д., сравнительные союзы *как*, *словно*, *точно*, *будто*, *как будто* и существительное, называющее эталон сравнения. Мы также рассматривали сравнения, выраженные лексически с помощью слова *похожий*. Важным методом исследования образного компонента концепта «уродство» является корпусный анализ. При корпусном анализе рассматривается частотность единиц и их синтагматическая сочетаемость в Национальном корпусе русского языка – НКРЯ, подкорпус «основной» (НКРЯ), из которого извлечены сравнительные обороты и метафорические выражения. Статистические данные о частотности употребления того или иного эталона приводятся на основе подсчета количества вхождений в НКРЯ.

Эталоны, выявленные в сравнительных оборотах и метафорах, классифицируются по тематическому критерию и объединяются в тематические группы, например, зоонимы, славянские и античные мифонимы и т.д. (см. об этом: Фэнин Юй 2018). Для выявления гендерной маркированности эталонов уродства мы используем контекстуальный анализ предложений в НКРЯ.

2 Результаты и обсуждение

В сравнительных конструкциях эталон, объект сравнения и основание сравнения эксплицированы. Эталоны уродства также репрезентируются в метафорах, в которых процедура сравнения и ее элементы свернуты, имплицитны. Сравнения служат средством освоения действительности и одновременно – ее оценивания в образах, эталонах, «...имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, обычаям и традициям» (Маслова 2001: 120). Основание сравнения – это

признак, который определяется у обоих сравниваемых предметов и по которому производится их сопоставление. Оно относится к наиболее субъективным элементам сравнительной конструкции, его вербальным репрезентантом чаще всего выступают прилагательные, реже – наречия, глаголы. Оно может отражать реальные свойства, признаки предметов: цвет, форму, размер, сущность, образ действия, производимое впечатление.

В нашем исследовании основанием сравнения выступает такое малоисследованное явление, как уродство. В толковых словарях русского языка слово *уродство* многозначно:

1. Прирожденный физический недостаток организма. *Никогда я не видел столько физических уродств, столько выставленных наружу гноящихся язв, как здесь.* Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина. *Идет Любовь. Она горбата и – чтобы скрыть свое уродство – всегда носит на плечах шаль или плед.* М. Горький, Последние. || *Бот.* Отклонение от нормы в строении растения под влиянием каких-л. внешних причин.
2. Безобразие, некрасивость. *Курфюрстина Софья с дочерью Софьей-Шарлоттой сидели у накрытого к ужину стола, перед камином, занавешенным из-за уродства китайской тканью.* А. Н. Толстой, Петр Первый.
3. *перен.* Какое-л. ненормальное, уродливое явление или отрицательное, дурное свойство, черта и т. п. кого-, чего-л. – *Способность довольствоваться какой-нибудь перепиской показывает нравственное уродство.* Писемский, Тысяча душ. – *Доктора должны писать популярные брошюры об уродствах быта. Да. Для медиков эти уродства особенно резко видимы.* М. Горький, Жизнь Клима Самгина (Евгеньева 1999).

Синонимами слова *уродство* в словаре названы *безобразие, некрасивость*. Изначально эта характеристика относилась к человеку или животному, в строении и в организме которого наблюдалось какое-либо нарушение, отклонение от нормы.

Эстетическая оценка, как правило, обращена к норме, которая имеет антропологическое обоснование, т.е. обусловлена родовой природой человека, его психофизиологическими особенностями. Несовпадение врожденных и социально-нормативных характеристик человека с нормой маркируется отрицательной эстетической оценкой: отклонение от нормы семантически обозначается как что-то уродливое, безобразное, некрасивое (Писанова 1997: 108).

Рассмотрим далее эталоны уродства / безобразия / некрасивости в русском языке, касающиеся характеристики человека.

Эталонами уродства человека выступают различные материальные явления окружающей действительности и ментальные представления: животные, предметы, религиозные понятия и объекты, мифологические существа, прецедентные литературные имена. Названные объекты являются существенными элементами языковой картины мира, отображают социокультурные стереотипы, нормы и оценки, обусловленные спецификой

национального мировосприятия и миропонимания (Rakhimzhanov, Akosheva et al. 2020). Именно на метафорическом переосмыслении указанных реалий построены сравнения и метафоры, объективирующие концепт «уродство» в русском языке.

2.1 Животные как эталон уродства

Одну из наиболее репрезентативных в НКРЯ групп представляют сравнения и метафоры с эталоном-зоонимом. Животные относятся к наиболее распространенным эталонам сравнения в любой лингвокультуре, так как, начиная с глубокой древности, жизнь людей и животных протекала рядом, бок о бок. Это позволяло вести наблюдения за животными, за их внешним обликом, повадками, поведением, на основе этого проводить аналогию с человеком и осуществлять когнитивно-оценочную интерпретацию (Koletnik, Nikolovski 2020: 85). Надо отметить, что многие традиционные анималистические образы восходят своими корнями не к реальным признакам животных, а к мифологии, фольклору, к языческим и религиозным образам.

Из объектов и явлений окружающего мира наибольшим сходством (как внешним, так и внутренним) с человеком обладают млекопитающие, и, как покажет дальнейший анализ, ближайший «родственник» человека – обезьяна. Среди эталонов уродства-зоонимов, наиболее часто встречающихся в НКРЯ (14 вхождений), отмечены: общий фауноним млекопитающих *зверь* (1 вхождение), зоонимы *обезьяна* как родовое наименование (7), видовые номинации *мартышка* (2 вхождения), *горилла* (2 вхождения), *макака* (2 вхождения):

Мижугев увидел себя посреди сада, при свете утра, над замученной женщиной, грязного, дикого и безобразного, как зверь (М. П. Арцыбашев. Миллионы, 1912);¹ *Вот идет А. М. Ремизов. Маленький и уродливый, как обезьяна* (М. М. Зощенко. Перед восходом солнца, 1943); *Мягкая и женственная, Ольга Александровна после революции взяла себе на воспитание крестьянскую девочку, некрасивую, как обезьянка, и покрытую болячками — дочь своей московской молочницы* (В. Д. Пришвина. Невидимый град, 1962); *Она крепко держала его за шею, и он огромными скачками — со скамьи на скамью — отворотительный и ловкий, как горилла, — уносил ее вверх* (Е. И. Замятин. Мы, 1920); *Осмелюсь добавить только, что Ода Нобунага был знаменитым воякой и тираном жестокости беспредельной, уродлив, как мартышка, и не терпел лжи* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Сказка о Тройке, 1967–1968); *Предо мной старший Макака... это я его так прозвала, уж очень он некрасивый, похож на обезьянку...* (Татьяна Окуневская. Татьянин день, 1998); *Одни заявляли: «Чертovski хороша!»; другие: «Форменная мартышка!»* (Анатолий Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги, 1956–1960).

¹ Все примеры далее приводятся из НКРЯ – Национального корпуса русского языка.

Самым распространенным зоонимом-эталонном уродства в НКРЯ является наименование такой экзотической рептилии, как *крокодил* (15 вхождений):

Напротив, крокодил, морда кирпичом – плоский затылок, уши без мочек – говорит тускло, коряво, но вменяемо (Александр Тимофеевский. Дебаты // «Русская жизнь», 2012); *В углу рта лихорадка. Не крокодил, но и не красавица* (Сергей Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002). Этот зооним описывает уродство как женщин, так и мужчин.

В перечисленных выше зоонимах, кроме эстетической оценки уродливости, носители русского языка могут актуализировать другие потенциальные семы неэстетического плана: ловкость и юркость у *мартышки*, сила рук у *гориллы*, подвижность у *обезьяны*, прожорливость у *крокодила*. Выбор этих животных, явно не входящих в ближний круг жизнедеятельности русского человека, который видел обезьян или крокодила, скорее всего, только на картинках, в фильмах или зоопарке, в качестве эталона уродства объясняется, на наш взгляд, влиянием на языковое сознание архетипической оппозиции «свой» – «чужой». Свое, привычное, близкое, родное, несомненно, кажется красивым, а чужое, неродное выглядит отклонением от нормы, от привычного стереотипа, т.е. выглядит уродливым. Именно поэтому в русском языковом сознании в эталоны уродства не входят *корова, лошадь, собака, кошка, медведь, лиса, заяц* и прочие привычные спутники в жизни и быту русского человека.

Наше мнение также подтверждает и употребление следующего эталона-зоонима *верблюд* (4 вхождения в НКРЯ), который, как и *обезьяна* или *крокодил*, является довольно экзотическим и редким животным для русских:

Был он из хохлов – солдатице этакой, как верблюд огромнейший и нескладный... (Н. С. Лесков. Захудалый род, 1874); *Чего ты гайкаешь, как в степу... Верблюд нескладный!* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 3, 1939–1945); *Был исключением курс философии, читанный нам Сергеем Трубецким; этот длинный, рыжеватый, сутулый верблюд с фасом мопса на кафедре вспыхивал: из некрасивого делался обворожительным...* (Андрей Белый. Начало века, 1930).

К признакам верблюда как эталона уродства относят его нескладность, сутулость, горбатость. В НКРЯ приводится высказывание писателя С. Липкина о различии в восприятии верблюда – как эталона уродства в русской лингвокультуре и как эталона красоты в культуре арабов:

Кстати (или некстати), у арабов слово «красота» и слово «верблюд» обозначаются одинаково – «джамиль», ибо для кочевых бедуинов не было ничего прекраснее этого двугорбого животного, но вряд ли понравится Лиле Кобозевой, если кто-нибудь из нас ей скажет: «Вы красивы, как верблюд» (Семен Липкин. Записки жильца, 1962–1976) (НКРЯ).

Эта мысль еще раз подтверждает относительность концепта красоты и концепта уродства и их зависимость от национальных стереотипов, сформированных особенностями быта, климата, природы, хозяйствования.

Ф. И. Буслаев выражает свое мнение об уродстве и безобразности таких экзотических животных, как слон и верблюд, и высказывает довольно спорное предположение: *Слон и верблюд не пьют чистой воды, но сначала возмущают ее ногами, чтоб не видеть своего безобразия в потоках* (Ф. И. Буслаев. Русские духовные стихи, 1861) (НКРЯ).

В русской языковой картине мира верблюд является эталоном не только уродства, но и других качеств: работоспособности, выносливости. Носители русского языка отмечают его способность много дней обходиться без воды и еды, а также привычку плевать жвачкой.

К. М. Гюлюмянц утверждает:

Самое большое количество сравнений (и метафор) основано на образных представлениях о домашних животных, а из наименований диких употребляются, прежде всего, хорошо известные на определенной территории (т.е. они будут разными у разных народов). Образы одних животных употребляются в сравнениях часто, являются излюбленными, с ними связывается много различных ассоциаций, другие названия встречаются в единичных оборотах (Гюлюмянц 1971: 118).

По нашему мнению, это положение не подтверждается на материале зоонимов – эталонов уродства: среди них отсутствуют названия типичных для русской культуры домашних животных и названия хорошо известных диких животных (Akosheva, Shaharman, et al. 2019). В качестве эталона уродства носители русской лингвокультуры выбирают малоизвестных экзотических представителей животного мира – *обезьяну, гориллу, макаку, верблюда, крокодила*, руководствуясь архетипическими представлениями: «свой» – это привычное, это норма, это красиво; «чужой» – это нарушение привычного, отклонение от нормы и, следовательно, уродливо, некрасиво.

Мы можем констатировать, что мнение исследователя Ю. В. Таратухиной о том, что эталонами уродства в испанском языке, «как правило, являются предметы первого круга жизнедеятельности человека. Среди них – объекты животного и растительного мира, гастрономии, предметы быта и связанные с ними типичные действия, а также названия частей тела самого человека» (Таратухина 2018: 50), не находит подтверждения в данных русского языка. В нем в функции эталонов говорящие выбирают чаще всего объекты, не относящиеся по важности к первому кругу жизнедеятельности человека, объекты, с которыми они практически не соприкасаются в жизни. И, как мы полагаем, это связано с тем, что сущность концепта «уродство» как отступления от нормы и стереотипных представлений близка в сознании носителей русского языка к архетипу «чужой».

Эталон-зоонимы гендерно ориентированы, некоторые из них характеризуют исключительно мужчин, некоторые – женщин. Ряд эталонов

обладает гендерной нейтральностью, т.е. характеризуют и мужчин, и женщин. См. таблицу 1.

Таблица 1: Гендерная маркированность эталонов-зоонимов

Зоонимы	Женский эталон	Мужской эталон	Нейтральный эталон
<i>Зверь</i>		+	
<i>Обезьяна</i>			+
<i>Горилла</i>		+	
<i>Мартышка</i>			+
<i>Макака</i>			+
<i>Крокодил</i>			+
<i>Верблюд</i>		+	

Как мы видим, среди зоонимов в НКРЯ не встречаются типично женские эталоны, три зоонима (*зверь*, *горилла*, *верблюд*) относятся к типично мужским эталонам уродства, остальные (*обезьяна*, *мартышка*, *макака*, *крокодил*) гендерно не маркируются.

2.2 Демонические существа как эталон уродства

К распространенным эталонам уродства в русской картине мира относятся демонические существа, принадлежащие славянской или христианской мифологии: *ведьма* – 7 вхождений, *леший* – 1 вхождение, *баба-яга* – 1 вхождение, *гном* – 1 вхождение, *черт* – 4 вхождения, *бес* – 1 вхождение, *оборотень* – 1 вхождение; *вампир* – 1 вхождение; *демон* – 1 вхождение (всего 18 вхождений, по данным НКРЯ). Подчеркнем, что речь идет об отрицательных мифологических персонажах. Именно они избираются эталонами уродства:

Она была страшна, как ведьма, и все дети ее боялись (Владимир Войнович. Замысел, 1999); *Кто первым пустил слух, что княжна столетняя баба-яга, что ей не семнадцать, а семьдесят семь лет, что она страшна как ведьма* (Е. А. Салиас. Ширь и мах, 1885); *Страшный, как леший, рок-звезда Кьеркегоренко вопил уже привычное: «Красная сволочь, вон из Кремля!* (Василий Аксенов. Негатив положительного героя, 1996); *Пойду душ приму и побреюсь, а то страшный, как черт какой-то...* (Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть, 2000); *«Он страшный, как бес», сказала Аза Алибековна* (В. В. Бибахин. Алексей Федорович Лосев, 1975–1977); *Вот словно какой-то гном, уродливый призрак. Лицо – череп, обтянутый пожелтевшей кожей* (В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга), 1903); *Но самое пикантное в том, что Милочка-то страшна как черт...* (Вадим Громов. Компромат для олигарха, 2000); *Горданов ей был страшен как демон...* (Н. С. Лесков. На ножах, 1870); *Колченогий был страшен, как оборотень. Я вернулся в комнату, где меня ждали ключик и дружочек* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец, 1975–1977); *Он страшен, как зажравшийся вампир...* (Виктор Старков. Дневник (1963–1964).

В основе выбора данной группы эталонов лежит тот же архетип «свой» – «чужой». Демонические существа, согласно языческим, мифологическим и христианским воззрениям, принадлежат нездешнему, чужому, потустороннему миру, они опасны и способны причинить вред человеку. Их внешность отличается от обычного вида людей: горб, большой нос, костяная нога, маленький рост, рожки на голове, волосатость лица, хвост и т.п. (Nikolaenko, Luczyk, et al. 2020). Перечисленные отклонения заставляют считать их уродливыми. В эту оценку входит и эмоциональная коннотация – страх и боязнь человека перед демоническими существами.

В группу эталонов уродства входят и «чужие» божества, которые кажутся носителям русского языка и культуры некрасивыми и уродливыми, потому что не входят в их представления о «своем»:

Особая, как уверяет лысый поэт в шапке, похожей на монашескую скуфейку, с которой он никогда не расстаётся, уродливый, как бурятский божок, избиваемый в дни непогоды и обожаемый в часы удачного восхода трав, длинноногий, с зубами, черными от табаку и почти выкрошенными неизменным мундштуком (А. М. Соболев. Обломки, 1921); На шитике навалены горой лосины, скупленные у тунгусов, шкуры, на шкурах – три пуховые подушки; на подушках, как Будда в облаках, важно восседал бороваобразный, весь заплывший салом человек (В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 1–4, 1928–1933).

К этой же группе эталонов мы отнесли сравнение *безобразный/ уродливый/ страшный как смертный грех*. Смертный грех, согласно библейским представлениям, есть тяжелый непростительный грех, ведущий к потере души, если не будет покаяния со стороны согрешившего. Поскольку в этом понятии отсутствует предметная сторона и, соответственно, внешние признаки уродливости, в основу эталона положено общее негативно-эмоциональное отношение к уродству как явлению (Temirgazina 2013). Отметим распространенность этого эталона в НКРЯ (4 вхождения), что обусловлено, по всей вероятности, его укорененностью в религиозном сознании носителей русской культуры:

Он чуть было не сказал, что Якимова безобразна, как смертный грех (М. А. Алданов. Истоки. Части 9–17, 1942–1946); Есаул страшен как смертный грех – плоское бурятское лицо, глазки-буравчики и тонкие китайские усики (Дмитрий Невелев. Без царя в голове, 2015).

Гендерная маркированность рассмотренных выше эталонов представлена в таблице 2.

Гендерная маркированность наименований демонических существ как эталонов уродства мотивирована их гендерной принадлежностью, например, ведьма как существо женского пола является эталоном уродства девушки, женщины, а леший – мужчины и т.д. В то же время мифоним *черт* гендерно немаркирован и является эталоном мужской и женской

красоты. *Смертный грех* как понятие не имеет признаков пола и относится к немаркированным эталонам уродства.

Таблица 2: Гендерная маркированность эталонов уродства – наименований мифических существ и богов

Названия мифических и демонических существ, богов	Женский эталон	Мужской эталон	Нейтральный эталон
<i>Ведьма</i>	+		
<i>Баба-Яга</i>	+		
<i>Леший</i>		+	
<i>Черт</i>			+
<i>Оборотень</i>		+	
<i>Демон</i>		+	
<i>Вампир</i>		+	
<i>Бес</i>		+	
<i>Гном</i>		+	
<i>Смертный грех</i>			+
<i>Бурятский божок</i>		+	
<i>Будда</i>		+	

2.3 Античные божества и литературные персонажи в качестве эталонов уродства

Образный компонент концепта зачастую включает в себя прецедентные имена. Среди них выделяются аллюзивные наименования, к которым относятся прецедентные имена, употребляемые как вторичная номинация. «Аллюзия, как известно, представляет собой приём текстообразования, заключающийся в соотношении создаваемого текста с каким-либо прецедентным фактом – литературным или историческим» (Kaloh Vid 2017: 77). Аллюзивные имена как эталон уродства представлены античными мифонимами, которые дифференцируются по гендерному признаку. Мужское уродство характеризуется с помощью мифонимов *Вулкан* (2 вхождения), *сатир* (4 вхождения), употребление которых в НКРЯ показано в следующих примерах:

Знаешь, что уродливый Вулкан был немножко ревнив; а богини ревности и нет даже, потому женщины не должны быть ревнивы (А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов, 1869); *Мелкий паршивый сатир, не более того.* (Сергей Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016); *Гиперион перед сатиrom козлоногим. Сатир козлоногий – это я. А ведь я крепче вас; кости шире, и здоровье крепче от природы* (В. М. Гаршин. Надежда Николаевна, 1885).

Вулкан – хромоногий римский бог-кузнец, супруг богини красоты и любви Венеры. Вероятно, запечатленность этого персонажа в качестве

эталона уродства вызвана контрастом с его супругой – эталоном женской красоты. Сатир – мифическое божество с козлиными копытами и хвостом. Несомненно, что аномальная внешность стала основанием для характеристики их как уродливых в глазах носителей как русского, так и других языков.

Единственным мифонимом, выполняющим функцию эталона женского уродства в НКРЯ (1 вхождение), является *Медуза Горгона* – женщина со змеиным телом и змеями вместо волос:

Хороша должна быть красавица, которая набивает себе нос табаком! Горгона какая-нибудь? – О нет! (В. П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина, 1888).

Т.М. Наумова пишет о специфике эталона *Медуза Горгона* в английском языке:

Обратной стороной концепта beauty (красота) является концепт ugliness (уродство), представленный именами Antiphate's wife (жена Антифата) и Gorgon (Горгона), используемыми в значении «an ugly woman» ... (уродливая женщина) и «a frightening or repulsive woman» ... (женщина пугающей или отталкивающей внешности) соответственно (Наумова 2017: 153).

Как мы видим, это сравнение сопровождается эмоционально-оценочными коннотациями опасности, страха.

Широко употребительно в русском языке в качестве эталона уродства и такое прецедентное имя, как *Квазимодо* – горбатый уродливый герой романа Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери»:

Начальником горных инженеров на Кавказе был тогда полковник А. Б. Иваницкий, человек, бесспорно, с большими сведениями, рьяный славянофил, безобразный как Квазимодо, большой руки спорщик и вообще парень до крайности бойкий (П. С. Николаев. Воспоминания о князе А. И. Барятинском // «Исторический вестник», 1885); – *Ну как же не так. Для меня и напиваешься, квазимодо* (Гейнце Н. Э., Сцена и жизнь, 1898).

Имя этого литературного персонажа имеет в НКРЯ 57 употреблений в аллюзивном значении ‘уродливый, урод’ преимущественно, как мы видим, по отношению к внешности мужчины. Это самый частотный по данным НКРЯ эталон уродства в русском языке. Широкая распространенность этого прецедентного имени в русской языковой картине мира обусловлена, по-видимому, тем фактом, что герой литературного произведения – звонарь Собора Парижской богоматери Квазимодо обладает прототипическими чертами уродливого человека: горбом, искривленной кособокой фигурой, хромотой, огромной бородавкой на лице. Возможно, причина лежит также в большой популярности романа Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери» у русских читателей.

К этой группе эталонов уродства мы условно присоединили и слова антропонимы *старик*, *старуха* (по 1 вхождению в НКРЯ):

Александр в полоборота, согнувшийся в плечах, в своей удивительно сшитой тужурке, болезненно щурясь от солнца, казался некрасивым, как старик ... (З. Н. Гиппиус. Победители, 1898); *Ольга в последний раз помолилась на церковь, думая о своем муже, и не заплакала, только лицо у нее поморщилось и стало некрасивым, как у старухи.* (А. П. Чехов. Мужики, 1897).

В них отражается культурный стереотип носителей языка о пожилых людях как некрасивых, утеравших внешнюю красоту, свойственную молодости.

В таблице 3 представлена гендерная «привязка» античных мифонимов и прецедентных имен литературных персонажей, а также антропонимов *старик, старуха*.

Таблица 3: Гендерная маркированность эталонов – античных мифонимов и прецедентных имен

Античные мифонимы и литературные герои	Женский эталон	Мужской эталон	Нейтральный эталон
<i>Вулкан</i>		+	
<i>Сатурн</i>		+	
<i>Сатир</i>		+	
<i>Медуза Горгона</i>	+		
<i>Квазимодо</i>		+	
<i>Старик</i>		+	
<i>Старуха</i>	+		

Гендерная маркированность в этой группе эталонов мотивируется полом божества или литературного персонажа.

3 Заключение

Как показал корпусный анализ, эталонами уродства носители русского языка выбирают предметы, понятия и явления из разных сфер действительности. Тематически они объединяются в группы зоонимов, названий демонических существ из славянской и античной мифологии, имен литературных персонажей. Специфика концептуальных смыслов уродства влияет на выбор эталонов из дальнего, неосновного круга жизнедеятельности человека, это касается тематической группы зоонимов (*обезьяна, горилла, крокодил, верблюд* и т.п.).

К наиболее типичным эталонам уродства / безобразия / некрасивости человека относятся одушевленные существительные: мифонимы, имена литературных героев, зоонимы – 26 слов. Вероятно, это связано с общностью признака одушевленности у объекта сравнения и у эталона.

Поскольку основным признаком прототипа «уродство» (Rosch, et al. 1976) является отклонение от нормы, стереотипа, аномалия внешнего

вида, то в основе выбора эталона уродства лежит архетип «свой» – «чужой». В соответствии с архетипическими представлениями, все чужое, непривычное, странное кажется отклонением от нормы и, следовательно, уродливым, безобразным, некрасивым (Andryuchshenko, Abzuldinova, et al. 2017).

Необходимо подчеркнуть следующую особенность эталонов уродства: наиболее многочисленны и разнообразны эталоны мужского уродства – 15, они проявляют себя во всех тематических группах: зоонимах, мифонимах, названиях литературных персонажей. Женские эталоны уродства менее распространены, их насчитывается 4, причем в некоторых тематических группах специфически женский эталон не проявляется, например, в группе зоонимов. Эти данные противоречат утверждению исследователя о женской ориентированности понятия уродства:

Интересно, что уродливость связывается именно с образом женщины. Вероятно, поскольку традиционно считается, что для женщины важна красота, что женщина должна быть привлекательной, то отклонение от этой нормы очень заметно, и мифологическое или реальное имя, принадлежащее женщине с некрасивой внешностью, обладает аллюзивным потенциалом (Наумова 2017: 153).

Наоборот, мы на основе проанализированного материала можем сделать вывод о мужской ориентированности представлений об уродстве и более значительном аллюзивном потенциале мужских мифологических или реальных имен, по сравнению с женскими, в русской языковой картине мира.

Гендерно немаркированных эталонов обнаружено 6: в группе зоонимов их 4 и 2 в группе мифонимов. Мифонимы и имена литературных персонажей не могут быть нейтральными, так как их гендерная маркированность определяется онтологическим полом мифологического существа, реального человека или персонажа, т.е. по принципу гендерного соответствия между объектом сравнения и эталоном.

ЛИТЕРАТУРА

Нина Давыдовна АРУТЮНОВА (ред.), 2004: *Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного*. Москва: Индрик.

Любовь Григорьевна БОЙКО, 2009: *Культурно маркированное содержание устойчивых сравнений русского языка*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.

Анастасия Петровна ЕВГЕНЬЕВА (ред.), 1999: *Словарь русского языка*. В 4-х томах. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы. <http://feb-web.ru/feb/mas> (дата доступа 12.04.2021).

Кира Михайловна ГЮЛУМЯНЦ, 1971: *Образное употребление названий животных в сравнениях и метафорах (на материале русского и польского языков)*. *Труды Самаркандского гос. ун-та*. Вып. 217. *Вопросы фразеологии IV*. Самарканд. 109–119.

Валерий Закиевич ДЕМЬЯНКОВ, 2004: Значение и употребление лексем класса красота. *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура*. Москва: Языки славянской культуры. 601–609.

Андрей Анатольевич ЗАЛИЗНЯК, Андрей Дмитриевич ШМЕЛЕВ, 2004: Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: быт, пошлость, вранье. *Логический анализ языка. Языки эстетики*. Москва: Индрик. 209–230.

Юлия Витальевна КЛИНЦОВА, 2007: *Лексико-семантические и когнитивно-derivационные аспекты гиперконцепта «Красота»: на материале английского и русского языков*. Дис...канд. филол. наук. Краснодар.

Мария Львовна КОВШОВА, 2004: Понятие красоты в русской фразеологии и фольклоре: Внешние качества и внутренние свойства человека. *Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного*. Москва: Индрик. 613–620.

Наталья Владимировна ЛЕТУНОВСКАЯ, 2004: *Лексико-семантическая репрезентация концепта «красота» в немецком и русском языках*. Дис... канд. филол. наук. Тамбов.

Валентина Авраамовна МАСЛОВА, 2001: *Лингвокультурология*. Москва: Академия.

Юлия Витальевна МЕЩЕРЯКОВА, 2004: *Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах*. Дис... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет.

Татьяна Михайловна НАУМОВА, 2017: Аллюзивные и прецедентные антропонимы в составе британского лингвокультурного концепта beauty. *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 10/76: в 3-х ч., ч. 1, 151–154.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru> (дата доступа 12.04.2021).

Ирина Олеговна ОКУНЕВА, 2009: *Концепт «красота» в русском и английском языках*. Дис... канд. филол. наук. Москва.

Татьяна Викторовна ПИСАНОВА, 1997: *Национально-культурные аспекты оценочной семантики*. Москва: Икар.

Зинаида Даниловна ПОПОВА, Иосиф Абрамович СТЕРНИН, 2001: Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения. *Культура общения и ее формирование*. Вып. 8. Воронеж. 34–56.

– –, 2002: *Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии*. Воронеж: ВГУ. 313.

Наталья Владимировна ПОПОВА, 2009: Понятие «безобразия» в русском языке как нарушение эстетических и этических норм. *Вестник Вятского государственного университета* 1, 46–50.

– –, 2010: Диалектический подход к исследованию лексико-семантических полей красоты и безобразия. *Вестник РУДН. Серия Лингвистика* 1, 56–62.

Геннадий Геннадьевич СЛЫШКИН, 2004: Лингвокультурный концепт как системное образование. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация* 1, 29–34.

Юрий Сергеевич СТЕПАНОВ, 1997: *Константы: Словарь русской культуры*. Москва: Языки русской культуры.

Оксана Николаевна ТАРАСЕНКО, 2011: К семантическому представлению концепта красота в лексической системе английского языка. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина* 7/1, 105–114.

Юлия ТАРАТУХИНА, БЕЗУС Светлана (ред.), 2019: *Бытовая культура и этикет народов мира: межкультурная коммуникация*. Москва: Издательство Юрайт.

Мадина Аниуаровна ШАРДАНОВА, 2006: Эстетическая бинарная оппозиция «прекрасное / безобразное» в разносистемных языках: На материале английского, русского и кабардино-черкесского языков. Дис... канд. филол. наук. Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет.

Фэннин ЮЙ, 2018: Тематическая классификация эталонов устойчивых сравнений при характеристике лица человека в русском и китайском языках. *Электронный журнал «Язык. Культура. Коммуникации»* 2. <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/626/838> (дата доступа 07.06.2021).

Marzhan AKOSHEVA, Yrysgul SHAKAMAN, et al., 2019: Metaphors in Anatomical Terminology. *Space and Culture, India* 7/1, 143–153. <https://doi.org/10.20896/saci.v7i1.528>

Olga ANDRYUCHSHENKO, Gulsum ABZULDINOVA, et al. 2017: Methodology of implementation of the project-based approach to the Russian language learning. *Man in India* 97/15, 353–369.

Uldanay BAKHTIKIREEVA, Vladimir SINYACHKIN, et al., 2017: Artifacts as a source of russian and kazakh zoological terms. *Information* 20/4: A, 2325–2336.

Umberto ECO, 2007: *Storia della bruttezza*. Milan: Bompiani. <https://ru.bjk-1903.net/umberto-eco-elusive-concept-ugliness-5295> (дата доступа 26.05.2021).

Natalia KALOH VID, 2017: Апокалиптическая аллюзия как структурообразующий компонент в повести М. А. Булгакова «Роковые яйца». *Slavia Centralis* 1, 75–89.

Mihaela KOLETNIK, Gjoko NIKOLOVSKI, 2020: Primerjalni frazemi z zoonimnimi sestavinami v prekmurskem narečju in makedonščini. *Slavia Centralis* 2, 83–90.

Sergey NIKOLAENKO, Malgorzata LUCZYK, et al., 2020: «Naive anatomy» in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian. *XLinguae* 13/2, 3–16. DOI: 10.18355/XL.2020.13.02.01

Kanat RAKHIMZHANOV, Marzhan AKOSHEVA, et al., 2020: Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: an interaction of language, anatomy and culture. *New Research of Tuva* 4, 261–271. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.18

Eleanor ROSCH, Carolyn B. MERVIS, et al., 1976: Basic Objects in Natural Categories. *Cognitive Psychology* 8, 382–436. DOI: 10.1016/0010-0285(76)90013-X

Zifa TEMIRGAZINA, 2013: Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations. *World Applied Sciences Journal* 24/6, 822–825.

Zifa TEMIRGAZINA, Gulzhan ZHAKUPOVA, 2021: Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 12/1, 137–152. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152

S KOM PRIMERJAMO GRDE LJUDI? KRITERIJI GRDOTE V RUŠČINI

V prispevku izhajamo iz nacionalnega korpusa ruskega jezika in v njem iščemo odgovor na vprašanje, s kom v ruščini primerjamo grde ljudi. Na osnovi gradiva raziskujemo kriterije človeške grdote, ki se odražajo v primerah in metaforah. Kriteriji so vključeni v figurativno komponento pojma 'grdota', ki se kaže kot pomemben element konceptualne slike sveta. Bistvo tega pojma je opredeljeno kot odstopanje od norme in stereotipnega videza. Kriterije grdote smo klasificirali v naslednje skupine: 1) zoonimi, 2) slovanski in starodavni mitonimi, 3) imena literarnih likov ter 4) imena predmetov. Kognitivna osnova za izbiro kriterija grdote je lahko dihonomija *naše – tuje*, ki se kaže na primer v skupini zoonimov (npr. *opica, krokodil, kamela*) ali v imenih nekrščanskih bogov (npr. *Buda, burjatski bog*). Gre za pojavnosti, ki niso del ožjega življenjskega kroga ruskega človeka, zato se mu zdijo tuji. Tuje je pri tem videti kot odstopanje od norme, od običajnega, stereotipnega, posledično je dojeto kot grdo, v nasprotju z znanim, bližnjim, ki pa je dojeto kot lepo. Izbira slovanskih demonskih bitij za kriterij grdote je posledica njihove pripadnosti drugemu svetu. Čarovnica, jaga baba in hudič so negativni liki, ki so zmožni človeku škodovati, njihov videz se razlikuje od običajnih ljudi, dojet je kot grd. Najpogostejše merilo grdote je precedenčno ime literarnega junaka – *Quasimodo*. Menimo, da je to posledica tega, da so v njegovi podobi utelešene prototipične značilnosti grdote, tj. grba, ukrivljena postava, ogromna bradavica na obrazu, šepavost. Ugotovljeno je, da so nekateri kriteriji grdote zaznamovani glede na spol (zaznamujejo bodisi moško bodisi žensko grdoto), drugi pa niso spolno zaznamovani in označujejo tako moško kot žensko grdoto, odvisno od konteksta.
